

ПОЭЗИЯ

К 90-летию Ф.Г. Сухова

“Впервые держу, озираю документ (паспорт), который мне предоставляет возможность на три месяца покинуть пределы своего Отечества и в некий день очутиться на Ближнем Востоке, в одной из арабских стран, а именно в Иордании.

В далёком мальчишестве в тёплую летнюю пору, чаще всего перед сенокосом, когда над высоко вымахнувшими травами случаются проливные дожди, когда раскатисто грохочет гром, пел я со своими сверстниками незатейливую песенку:

Дождик, дождик, перестань,
Я уеду в Иордань,
Богу помолиться,
Христу поклониться.

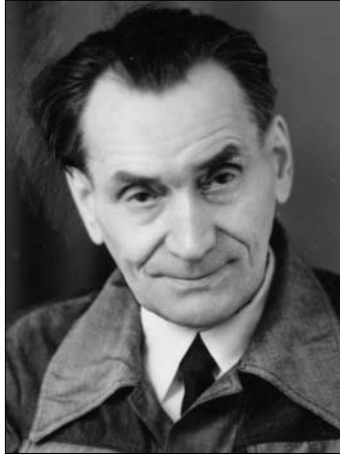
Разумеется, я тогда не знал, не мог знать, что такое Иордань, но я знал — зимой, в Крещение некоторые обитатели нашего села окунали себя в озёрной проруби, а из незамерзающего родника даже малые ребятишки набирали в чисто вымытые бутылочки студёную воду, несли её в церковь святить. Приносил из своей моленной святую воду и мой дед, Пётр Матвеевич, отдавал её бабушке, Анисье Максимовне, на сохранение. Потом садился и читал: “Тогда приходит Иисус от Галилеи на Иордан ко Иоанну крестится от него...” 1 июня 1990 года”.

Строчки эти я выписала из общей тетради отца, в ней он начал писать свои записки — воспоминания под заглавием “Хождение за три моря”, к сожалению, написаны всего две главы. Но поездка на Ближний Восток состоялась, я сопровождала отца в ней, с нами были и две моих дочери — Елизавета и Маргарита.

Эта было единственное путешествие Ф. Сухова за рубеж нашей Родины, не считая, конечно, военной поры, когда он, старший лейтенант, победоносно шествовал в составе Красной армии по дорогам Польши и Восточной Пруссии. Записок об этом интереснейшем путешествии отец не успел дописать, но остался небольшой цикл стихов, родившийся во время этого путешествия, в круизе Одесса–Латакия–Одесса на теплоходе “Башкирия” летом 1990 года.

Е. Ф. Сухова

ФЁДОР СУХОВ



ОТ РОССИЙСКИХ БЕРЁЗ ВДАЛЕКЕ

* * *

Море Чёрное черно от хмари
Тихо вечеряющего дня,
Что так рано усмирил, умаял,
Своего угомонил коня.

Моего убаял иноходца,
Породнился иноходец мой
Не с замшелой глубиной колодца, —
С черноморской мрачной глубиной.

А когда завечерело небо,
Просияла первая звезда,
Улеглась невозмутимо-немо,
Уходилась мрачная вода.

Только возле дивного Царьграда
От короткого очнулась сна, —
Встала на ноги былая радость,
Возвратилась давняя весна.

Киевской Руси, её княгини
Синие возвысились глаза...
Милые, родные, дорогие,
Есть ли в мире эдака краса?

Есть ли в мире эдакое диво?
Дива эдакого в мире нет.
Солнце златолобо восходило,
Отдалённый озидало Днепр.

Киевской Руси, её княгини,
Блѣклые ласкало зелены,
По морской, безбрежной луговине
Гнало белогривого коня.

21 июня 1990 г. Пароход "Башкирия",
Чёрное море, Босфор

* * *

Бирюзовое море. И бирюзовое,
Прямо с неба сошедшее слово.
Что сроднилось с рассветными зорями,
Синевой упилося васильковой.

Я и сам васильково разведрился,
Не туманю себя, не печалю.
Чайка — близкого берега вестница —
К моему воскресила молчанью.

К моему пригреблась одиночеству,
Одиноко плыву я по морю,
Вижу я, как резвится, как топчется,
Веселится вода за кормою.

Я приветствую это веселие,
Сам охотно бы повеселился,
Обласкал бы берёзовым севером
Юга знойного милые лица.

Уроженца Алжира, Аравии
Освежил бы водой родниковой...
Да пребудет во славе, во здравии
Тот, кто конской запаса подковой.

Не утратит благополучия,
Не познает горчайшей полыни...
Никакая морока ползучая
Из кромешной ночи не нахлынет.

Бирюзовое море и бирюзовое,
Прямо с неба сошедшее слово
Не расстанутся с ясными зорями,
Со своей синевой васильковой.

23 июня 1990 г. Пароход "Башкирия",
Эгейское море

* * *

Не дельфины выгибают спины,
Выгибают спины острова.
Сладкой горечи родной рябины
Не теряют русские слова.

Посреди иноплемённой речи
Слышу я российский говорок...
Далеко и вроде недалече
Закипает, пенится горох.

За кормою — то ли от гороха,
То ль от этой кипени — бело.
Зимняя мерещится дорога,
Будто снегом всё перемело.

Передуло, переполошило,
Запуржило полевую Русь...
Потому-то остро так, так живо
Всякую воспринимаю грусть.

Боль разлуки и тоску разлуки
Я стараюсь испытать, постичь, —
Я свои заламываю руки,
Свой потайный складываю стих.

Сладкой горечью родной рябины
Сдабриваю тихие слова, —
Не дельфины выгибают спины,
Выгибают спины острова.

Кажут вечеряющему морю
Молодой Эллады терема.
Ну а за бортом, а за кормою
Русская мерещится зима.

23 июня 1990 г. Пароход "Башкирия", Среди-
земное море

* * *

Если бы ведала, если бы знала
Мать моя, боль моя, песня моя,
Что от зелёной тоски сеновала
Вдруг укачу я в иные края.

Вдруг окажусь я в иной Палестине,
К обетованной причалю земле...
Как о несчастном, потерянном сыне,
Мать моя стала б вздыхать обо мне.

А ведь и вправду потерян, затерян,
На отдалённом живу берегу.
Тихо гляжу на возвышенный терем,
Боль свою в грустных зрачках берегу.

Грустно брожу я по берегу моря,
Море-то радугой озарено.
Белые-белые камушки моет,
Блещет, трепещет, сияет оно.

А над сиянием этим восходит
Месяца остро блистающий серп.
Вроде бы вечер надвинулся, вроде
Всяк человек милосерд, добросерд.

Всяк своего перевозносит пророка,
Да не унизит свой посох пророк!
Не зарастёт диким тёрном дорога,
Что на родной возвращает порог.

Что веселит, молодит подорожник,
Благоухает травой-муравой, —
Через любые прорвётся таможни,
Проколесит голубой колеёй.

25 июня 1990 г. Сирия, Латакия

* * *

“Да будет свет!” — сказал Господь,
Свет разлился над всей землёю,
Обрёл ликующую плоть,
Пурпурной просиял зарёю.

Явил небесную лазурь,
Лазурью одарил озера.
Он виноградную лозу
Упас от пагубного взора.

От жадных уберёт очей,
Не узрят дня лихие очи...
Во мраке потайных ночей
Сова зловещая хохочет.

В кромешной тьме таится зло,
Добро — всегда на свет выходит,
Оно прозябло, проросло,
Как злак в укромном огороде.

Во храмине святой любви
Слезится кроткая лампада.
Слышней ликуют воробьи
На стогнах солнечного града.

Взыскуемый открылся град,
Прибежище добра и света,
Где вечно зреет виноград,
Среди зимы блистает лето.

Как иней стекленеет зной,
Как изморось — роса на травах.
Воркующей голубизной
Цветёт целебная отрава.

Горчит полынью солончак,
Грустит усохшею рекою,
В овечьих светится очах
Библейской ласковой тоскою.

26 июня 1990 г. Сирия, Латакия

* * *

Где-то рядом земля Ханаана,
И Арама добреет земля...
Может, поздно, а может быть, рано
Озаренье нашло на меня.

Вдалеке от родного порога,
От российских берез вдалеке
Мне иная открылась дорога,
Я к иной устремляюсь реке.

Я иной освежаюсь прохладой,
Сам себя укрываю в тени...
Да не знают ни жажды, ни глада
Тяжким зноем сморённые дни!

Пастухи аравийской пустыни
Упасутся от чёрной беды,
Воссияет небесный гостинец —
Капля с неба сошедшей звезды.

Обернётся в росу, осчастливит,
Увлажнит эта капля уста.
В неоглядном песчаном разливе
Есть своя басота, красота.

Даже горечь усохшей полыни
Услаждает дыханье земли.
И никто-то, никто не повинен,
Коль тоскуют мои журавли.

Знают — рядом земля Ханаана
Своего перевозит царя,
Потому-то как давняя рана
Восходящая рдеет заря.

27 июня 1990 г. Сирия, Латакия

* * *

Во всех глазах одни и те же слёзы,
Во всех песках — печаль усохших рек.
Когда цветут, благоухают розы,
Добреет, молодеет человек.

А тут ещё и олеандр возносит,
Животворящую дарит росу,
Небесной умиляет бирюзою
Тихонько просиявшую грозу,

Ушедшую к неведомому морю,
К иной печали, к радости иной...
Не ведаю, что сделалось со мною, —
Рассветной упиваюсь тишиной.

Розовизной ухоженного сада
Досужие дивуются глаза,

Встречаются — тихонько — с Шахразадой,
Пусть ведает, пусть знает Шахназа!

Пусть Бухара простит мои берёзы,
Опущенных не поднимает век, —
Когда цветут, благоухают розы,
Добрее, молодеет человек.

28 июня 1990 г. Кипр, Средиземное море

* * *

У арабов — коровьи глаза,
Мухаммед перевозит корову!
По его благоверному слову
Виноградная зреет лоза.

По правдивому слову пророка
С неба льётся не дождь — молоко.
Лишь идущему скажет дорога,
Что до Мекки дойти нелегко.

Совершится великое чудо,
Коль к Аллаху взывают уста,
Отзовется его высота
Нестихающим рёвом верблюда.

Тьма кромешная выбрежит свет,
Воссияет заря-заряница.
Не оставит в беде Мухаммед
Тех, кто к истинной правде стремится.

Устремляет себя на восток,
На востоке рождается утро,
Раскрывается тихо и мудро
Волоокого дня лепесток.

По правдивому слову пророка
С неба льётся не дождь — молоко.
Лишь идущему скажет дорога,
Что до Мекки дойти нелегко.

До Медины дойти нелегко,
Надо много отваги и риска, —
То, что было когда-то так близко,
Стало вдруг далеко-далеко...

29 июня 1990 г. Средиземное море

* * *

Так тихо на сердце и на душе так тихо,
Как будто в мире мир, не знающий вражды,
Добро перемогло, добро попрали зло,
Широколиственные здравствуют сады.

Плодами радуют зари рассветной щебет,
Щебечут воробьи, льют неуёмный дождь...
Давно всё ведают не на земле — на небе
Благоухающая прозревает ночь.

Купает не себя, своё купает чадо,
Рассветную зарю крестит в святой воде,
Прохладою широколиственного сада
Новорождённый упивается младень.

Он встанет на ноги, он свой возвысит голос,
Он в возраст свой войдёт, он мудрость обретёт.
Тогда униженный возрадуется колос,
Воспрянет ото сна обманутый народ.

Безмолвствующие обретут языки,
Давно утраченные возвратят права,
Поляжет под ноги взывающей ослихе
С небесных луговин сошедшая трава.

Животворящую увлажнена росой,
Трава на алчущих безмолвствует губах,
А кто-то попирает, мнёт ногой босою
Былого ужаса рассыпавшийся прах.

Жарой умаянные веселит дороги,
От давнего освобождает забытья, —
Исчезнут лжеучители и лжепророки,
Новорождённое возвысится дитя.

Возвышенное возговорит слово
Над всей-то, всей землёй, над всем материком,
Чтоб златорогая расщедрилась корова,
Серебруструйным раздождилась молоком.

3 июля 1990 г. Поезд Одесса—Москва

* * *

Был я на Босфоре, плыл я по Босфору,
Видел я воочью сказочный Царьград.
Восходил тихонько на святую гору,
Поднимался к блеску каменных палат.

Я к Святой Софии свой приблизил посох,
Боже мой, неужто я и вправду зрил
Звёзд неугасимых золотое просо,
Яблоки высоко поднятых светил?!

Оглядал объятый дивным светом купол,
Видел я сполохи сумрачной грозы,
Сонными глазами долго-долго щупал
Капельки сошедшей на землю росы.

А роса — как утра воробьиный щебет,
Щебетало утро сладкою росой,
Прозревало утро на царьградском небе,
Улыбалось кроткой, тихой бирюзой.

Радугой — легко так — стыло над Босфором,
Радуга — так зримо — подняла себя.
Верую — ни коршун, верую — ни ворон
Щупленького не обидит воробья.

Не затмит прозревшей молодой лазури,
Да восторжествует мир между людьми,
Если даже море дружно голосует,
Ратует за горечь попанной любви!

Двигается в объятия ласковых купальщиц,
Катит прямо в ноги прыткую волну,
Омывает утра розовые пальцы,
Нежит в белой пене тонкую луну.

9 июля 1990 г. Н. Новгород